

**В** ОТ УЖЕ более сорока лет минуло с того памятного майского дня, когда отстремели последние залпы Великой Отечественной. Но нестираема временем память о той суровой поре. Память эта неустанно питает литературу, вызывает к жизни все новые и новые произведения, в которых торжественные аккорды гимна в честь Великой Победы так естественно и органично сочетаются со скорбной мелодией реквиема, посвященного тем, кто не дождал до светлого и радостного дня. Такие произведения самых разных жанров появились и в нынешнем году — году сорокалетия Победы. Их немало. Я, однако, пишу не обзор и не проблемную статью. Моя задача неизмеримо скромнее: обратить внимание читателя лишь на два только что опубликованных рассказа: Василия Белова и Вячеслава Кондратьева.

Есть нечто общее, что позволяет сближать рассказы этих разных, так непохожих друг на друга писателей. Предметом изображения в них выступают не эффектные батальные сцены, а страшная обыденность войны. Схожа и тональность. Терпкая печаль, неутраченная боль пропитывают повествование. Вчитываясь в эти рассказы и в который уже раз убеждаешься в точности и справедливости слов о «празднике со слезами на глазах».

В затерянной среди лесов и болот северной деревне не грохотали гусеницы вражеских танков, блекло небо не извергло душераздирающего визга падающих бомб. Но и сюда, в далекий тыл, пришла война, обрушила свой страшный груз тяжелых лишений и горя, обездолила и порушила не одну семью.

Новый рассказ В. Белова наделен емким и многозначительным названием: «Такая война». Безмянная деревушка сполна познала свою войну. С рельефной отчетливостью высвечены в рассказе злоеющие приметы лихолетья. Не старая

еще женщина Дарья Румянцова никак не может поверить казенной бумаге с печатью и непонятной подписью, в которой говорится о гибели ее единственного сына. Обессиленная от голода, с опухшими ногами, вместе со всеми выходит она на работу.

Страшная выразительность картин «сумеречной голодной поры» усугубляется тем, что рассказывается обо всем этом внешне спокойным тоном, за которым угадываются огромное душевное напряжение и не-

радость — прятать в сахарницу копечку, найденную в кармане костюма сына, и не торопясь пришивать к рукаву пуговицу. Но и костюм пришлось продать, чтобы купить картошки.

С Дарьи брали полный налог: яйца, мясо, шерсть, картошку. Все это она сдала, только по мясу числилась недоимка да денежный налог был не выплачен. Об этом не раз напоминал ей одноклассник сына, не взятый в армию по нездоровью Пашка Неуступов

## «СО СЛЕЗАМИ НА ГЛАЗАХ»

**Василий Белов. «ТАКАЯ ВОЙНА». Рассказ. «Юность», № 11. 1985.**  
**Вячеслав Кондратьев. «НЕ САМЫЙ ТЯЖКИЙ ДЕНЬ». Рассказ. «Знамя», № 11. 1985.**

смолающая боль. И каким злоеющим контрастом выглядит на фоне народных страданий и лишений «равнодушная природа», идиллический пейзаж: «Солнце увеличивалось, краснело и сходило на горизонт. Коровы шли с выгона, у реки пробовал свой голос деггач, будто и не было нигде никакой войны».

Казалось бы, как легко в эту тяжкую годину всенародных страданий наглухо замкнуться в себе, ожесточиться, сосредоточиться только на мысли о том, как выжить. Но Победа ковалась не только ратной стойкостью и воинским мастерством, но и тем, что в далеком тылу люди оставались людьми, не утрачивали своей человечности, участия в судьбе других.

Стойко переносила лишения и Дарья, не сгибалась перед обрушившимися на нее напастями. Несколько картофелин, сваренных в самоваре, да кипяток с вяленой репой вместо сахара — вот чем могла она себя побаловать. И единственная

по прозвищу Куверик. Противоборствующими силами здесь выступают полярные человеческие качества: сердечность и прямодушные Дарья и злая воля Пашки. Автор не скрывает своей неприязни к этому персонажу, не деляя его и выразительной фамилией, и столь же выразительным прозвищем: куверка по Далю — неженка, плакса, баловень. Какой нравственной глухотой отдает его холодно-официальное обращение к матери погибшего товарища, какую убийственной силы деталь находит В. Белов, когда Пашка подтягивает за уши голенища новых хромовых сапог, забрав в уплату за долги самовар — последнее, что оставалось в Дарьиной избе...

Трагизм повествования, жесткие картины народного горя и страданий не убивают веры в то, что народ способен вынести все испытания. Эту веру и высказывает один из персонажей рассказа в простых и уверенных словах: «Война

кончится, жизнь наладится». Слова эти звучат не как утешение, не как дежурный оптимистический финал. За ними — вековой опыт народа, его ясный ум, его стойкое терпение, готовность протерпеть любые муки ради Родины, ради тех, кто насмерть бьется с ее врагами.

Действие рассказа В. Кондратьева «Не самый тяжкий день» разворачивается в прифронтовой полосе, невдалеке от передовой. Из санбата в тыл, в полевой эвакогоспиталь

направляются раненые — бывший колхозный счетовод Мачихин и молодой сержант Шпилов. Всю дорогу Мачихин не устает «воспитывать» своего попутчика, предвещающего желанную встречу с девочками. «Чудной ты, сержант, думаешь, в тылу тебя каждая баба разглядывать будет? Нет, браток, они в тылу тоже перемаянные. Хоть немца тут и не было, но все равно достается бабонькам. Так что ты свои кобелиные мысли оставь».

В том, что «бабонькам достается», — в этом героям рассказа предстоит скоро убедиться. Увидеть такое, что «не самый тяжкий день» войны обернется одним из самых горьких. Сюжетное напряжение в рассказе подчеркивается тем тяжелым обстоятельством, что изнурительным и опасным воинским трудом, требующим предельного напряжения всех физических и духовных сил, вынуждены заниматься не только мужчины, но и юные девушки, самой природой предназначенные для другого. Эта мысль не дает покоя Мачихину: «Как-то мне это в ум не идет — девочки сопливые кровь проливают. Неужто без девок нельзя?»

Мысль эта вызвана вполне конкретным поводом: нежданной встречей Мачихина с землячкой — связисткой Катей,

Девушка оказалась на фронте потому, что «Родину защищать хотела». Она уже была ранена, многое видела, многое пережила. И теперь безропотно «дело делает» и в неотправленном письме мягко упрекает мать, посоветовавшую ей последовать примеру подруги, забеременеть и вернуться домой. Для нее это «вроде дезертирства какого-то». Нет, она исполнит свой долг до конца.

А конец уже близок. Катя гибнет во время бомбежки. Смерть ее потрясла не только

видавшего виды Мачихина, но и сержанта, перевернув его душу: «Ему стало невыносимо стыдно за совсем недавнее: за игривый свой разговор, за то, как обглядывал он жадно ее фигурку, за те мысли, какие у него тогда были. Он сильно поблдевел, подрагивали у него искривленные губы, да и всего начал бить противный озноб — убитую женщину он видел впервые в жизни», В. Кондратьев, ненавязчиво, без нажима рисующий обыденный, некрикливый героизм, высокую нравственную силу своей героини, заставляющую других проникнуться этой силой, мог бы сказать, как и В. Белов: «Такая война».

Ценности в искусстве, как известно, измеряются не килограммами и метрами. Иной рассказ говорит уму и сердцу неизмеримо больше многих пухлых романов. Было время, когда в нашей критике раздавались голоса о конце рассказа, о кризисе жанра. Хорошо, что опасения эти не сбылись. Хорошо, что появляются такие рассказы, которые высокой концентрацией мысли, живым, неподдельным чувством заставляют нас вновь обратиться к далекому уже военным годам, с тем чтобы яснее и глубже ощущать время, в которое мы живем.

Ф. ЧАПЧАХОВ